

Ты — великая актриса

Робер Фабер всегда вызывал у меня сложные чувства. Мне не нравился его цинизм, я восхищался его темпераментом. Его пьесы меня раздражали — я признавал их драматургическую силу. Меня шокировал его эгоизм — я был растроган тем, что он сделал меня своим доверенным лицом. Я с трудом выносил его утренние, часто бесконечные телефонные разговоры. Если он не звонил мне три дня, я начинал скучать по нему.

Сегодня утром он был краток и неумолим:

— Дорогой мой, я буду вам очень признателен, если вы бросите то, что пишете в данную минуту, и подскочите сюда. Мне нужно вам рассказать нечто очень важное.

— Право же, Робер, вы злоупотребляете моей дружбой и терпением... Вы призываете меня к себе по три раза в неделю... как правило, по какому-нибудь пустяшному или незначительному поводу. Я только что взялся за статью. Оставьте мне право на личную жизнь!

Через пять минут спора я понял, что потрачу меньше времени, если поеду к нему: в случае отказа он продержал бы меня все утро на телефоне. В то время он жил довольно близко от меня. Через четверть часа я вошел в его кабинет. Он сразу заговорил самым сладким тоном. Я знал по долгому опыту, что комплименты в устах Фабера — это всегда

вложение капитала. Каких же дивидендов он ожидал в этот раз?

— Дорогой мой, — сказал он, — я только что прочел вашу штучку о Менетрие. — Это шедевр тонкости, вкуса, стиля. Поистине вы *единственный* критик нашего времени...

— Спасибо. Что вам нужно от меня?

— Ну... я не знаю, знакомы ли вы с мадам Астье... мадам Адриан Астье?

— Вы же сами представили меня ей. Очень красивая женщина.

— Ведь правда же? Она из мелкобуржуазной семьи, но в ней есть блеск, свежесть и даже остроумие, дорогой мой... В общем, я от нее без ума.

— На два месяца или на две недели?

— В таком деле время не значит ничего... Единственное, в чем нельзя сомневаться: в данный момент в мире для меня существует только она... И как раз сейчас возникла уникальная возможность съездить вместе с ней в Испанию... Да... Ей хочется увидеть Андалусию, а муж, у которого дела на Дальнем Востоке, будет отсутствовать два месяца... Все могло бы устроиться самым лучшим для меня образом... Но остается Одетта... Бедная малышка Одетта, я дал ей торжественное обещание, что Пасху мы проведем в кругу семьи, в Боваллоне. Вот уже три года я не отдыхал вместе с ней и детьми... Она будет безутешна.

— Разумеется, но я не понимаю, почему вы обращаетесь ко мне...

— Почему? Да потому что только вы, дорогой мой, можете оказать мне услугу и уговорить ее... Я знаю, что Одетта полностью доверяет вам... Если вы объясните ей, что моя будущая пьеса, действие которой происходит в Испании...

— Вам необходимо, чтобы понять местный колорит, поехать туда вместе с француженкой? О нет,

я не смогу это объяснить... Не забывайте, что Одетта для меня — такой же и даже больший друг, чем вы... Если она, как вы сами говорите и как мне хочется верить, питает ко мне полное доверие, то именно потому, что я всегда был честен с ней. А вы предлагаете мне совершить нечестный поступок.

— Нечестный поступок! Да нет же, дорогой мой... Напротив, я полагаю, что вы, именно как друг Одетты, окажете ей большую услугу... Подумайте сами... Предположим, она не согласится и сделает драму из этой пустяковой истории... Что произойдет? Это разрушит нашу семью... Бедная малышка Одетта, она этого не переживет... И кто же будет ее убийцей? Вы...

Этот знаток театра знал, как поставить сцену. Я понял, что в очередной раз мне придется ради собственного спокойствия уступить.

— Хорошо... Я поговорю с Одеттой, однако не обещаю, что буду защищать вашу позицию... Я ее просто изложу, не более того.

— Но вы не будете ее оспаривать? Я только этого и жду от вас... Сейчас я позвоню Одетте. Я оставлю вас одних, и вы сможете спокойно поговорить.

Я попытался добиться отсрочки. Тщетно. Как и герои пьес Фабера, он был неуправляем и деспотичен. Нажав на кнопку, он взял трубку и сказал секретарше:

— Попросите мадам Фабер немедленно приехать в мой офис, — после чего встал и вышел.

Через какое-то время вошла Одетта.

— Так вы здесь, Бертран! Какой приятный сюрприз! Что вы сделали с Робером? Он мне только что звонил.

— Да, дорогая Одетта. Он хотел, чтобы мы с вами поговорили.

— Поговорили? Как таинственно! Робер поручил вам что-то передать мне?

— Именно так.

И я попытался тактично подготовить ее к дурной новости. Я сказал, что Робер переутомился, что его здоровье меня тревожит, что пьеса у него не идет, что ему нужно провести несколько недель одному в той самой обстановке, которую он выбрал для своей драмы. Она слушала меня с улыбкой, а затем откровенно расхохоталась.

— Милый Бертран! — сказала она. — Сколько трудов, чтобы сообщить мне, не причинив боли моему несчастному сердцу, что Робер желает поехать в Испанию со своей новой пассией и оставить меня на целый месяц одну!

— Как? Вы знали об этом?

— Я не знала, я предполагала, и ваши шитые белыми нитками доводы подтвердили мою догадку... К счастью! Представьте, Бертран, что мне тоже необходимо месяц свободы...

— Вы хотите поехать в Боваллон с детьми?

— Вовсе нет... Я хочу посмотреть греческие острова с близким другом, который предложил мне совершить этот круиз... Я оставлю детей матушке и буду наслаждаться этими семейными каникулами... Почему у вас такой изумленный и удрученный вид, Бертран? Вы считаете, что меня нельзя полюбить?

— Да нет... Конечно... Но я считал, что вы храните верную и несчастную любовь к Роберу.

— Долгое время так оно и было, да и сейчас Робер мне очень дорог... Я восхищаюсь его гением, но не характером... Я терплю его капризы и полагаю, что имею право на компенсацию... А как думаете вы?

— Хм... Да, наверное... Кто же будет вашим счастливым спутником?

— Дорогой Бертран, я не так нескромна, как мой муж.

— Черт возьми, что же мне сказать ему?

— Нет ничего проще. Скажите, что сообщенная вами новость меня потрясла, что вы искусно меня утешили и посоветовали мне, чтобы не так горевать, совершить круиз по Средиземному морю, возможно, с подругой, и, наконец, что вы оставили меня в слезах и печали, по покорную судьбе.

— И вы думаете, он поверит?

— Робер с поразительной легкостью верит всему, что льстит его самолюбию.

Она была права. Он не только добродушно воспринял ответ и план Одетты, но еще и с удовольствием разыграл передо мной прекрасную сцену нежности, трогательной героиней которой стала его жена.

— Бедная малышка Одетта! Она великолепна! Дорогой мой, я считаю, что в наше время уже не найти подобного примера супружеской самоотверженности. Подумайте сами, ведь она порой говорит: «Расскажи о женщине, которую ты любишь. Все, что касается тебя, мне очень дорого». Знаете, я вижу, словно наяву, как она в этом средиземноморском круизе идет к шезлонгу на нос корабля, чтобы в полном одиночестве полюбоваться звездами и представить себе мое счастье... Мое счастье с другой... Говорите что хотите, мой дорогой, но я верю, что гораздо лучше вызвать подобные чувства, чем пробудить страстную ревность.

— Но *вы-то сами* ревнивы, — сказал я.

— Жутко ревнив.

Он задумался, потом вернулся к прежней мысли:

— Это было бы прекрасным началом пьесы, а? Сцена между мной и вами... Сцена между Одеттой и вами... Это полное самоотречение, без всякой эмпазы... Естественно, ваш персонаж должен быть

влюблен в Одетту... Он пытается воспользоваться ситуацией, но вынужден отступить перед чистой этой необыкновенной женщиной...

— Мне это даже в голову не приходило.

— Вполне понятно... Вы же знаете Одетту. Но в пьесе...

Он съездил в Андалусию, а Одетта — на греческие острова, откуда она вернулась загоревшая, пышущая здоровьем, светящаяся счастьем. Я увидел их обоих в июне. После обеда Фабер увлек меня в свой кабинет.

— Ну, я пишу эту пьесу, — сказал он. — Все уже решено.

— Какую пьесу?

— Какую пьесу! Да ту, которую мы с вами обсуждали, которая начинается сценой между мной и вами по поводу Одетты... Название будет «Жертва»... Первый акт уже написан, впрочем, сделать это было легко. Сама жизнь дала мне почти все.

— Сама жизнь? Это же опасно... Надеюсь, вы сделали необходимые перемены?

— Естественно... Я свое ремесло знаю... Перемена совершается инстинктивно... Героя, то есть себя, я превратил в художника донжуановского типа, а вас — в пьесе вы носите имя Бернар — в человека сентиментального...

— В чем же здесь перемена? Вы и есть донжуан, а я сентиментален...

— Да, но все материальные детали представлены совершенно иначе... Трудности начинаются со второго акта. Тут я не знаю, куда повернуть. Думаю, Бернар попытается использовать свой шанс, и ему почти повезет, потому что Жюльетта (Одетта из пьесы) жаждет реванша... Затем, в последний момент, она опомнится, любовь победит.

— Любовь к вам?

— Разумеется... Остается третий акт. Тут все еще темно, но, видимо, надо будет ввести любовницу героя и ее мужа... Муж этот захочет отомстить, и Жюльетта, героически бросившись между ним и своей соперницей — или между мужем и героем, — спасет тому жизнь.

— Вам не кажется, что это слишком мелодраматично?

— Если рассказывать в трех словах, как я это сделал, да... Но все зависит от исполнения... У меня современные персонажи, которые говорят современным языком и действуют так, как поступили бы мы с вами... Капелька мелодрамы в сюжете меня устраивает... В этом суть театра... Диалоги спасут все, а в диалоге, откровенно говоря, мне нет равных!

Истинная правда, что в диалоге ему не было равных — я искренне это признавал. Но все же задал еще один вопрос:

— А мадам Астье?

— Какая еще мадам Астье?

— Та, что ездила с вами в Гранаду и стала первопричиной вашей пьесы.

— А, Пепита... Да, она получит это имя, поскольку мы оказались в Испании... Изумительная была женщина...

— Была? Что с ней случилось?

— Откуда мне знать? Для меня этот эпизод полностью завершен... Полагаю, она воссоединилась со своим Пепито... Но в «Жертве» она обретет новую жизнь... Слушайте, мне бы надо увидеться с этой бедной Пепитой, чтобы уточнить пару деталей, необходимых для роли... Она так грациозно скидывала туфельку, перед тем как лечь в постель... Я попрошу, чтобы она показала это движение актрисе, которая будет исполнять ее роль.

Лето прошло. В октябре я узнал, что «Жертву» начинают репетировать. Жюльетту должна была играть Женни Сорбье (в то время молодая и знаменитая актриса). Фабер часто просил меня посещать репетиции своих пьес. Не то чтобы он признавал за мной какую-то особую компетентность, но ему казалось, что свежий взгляд легче обнаружит неправдоподобие некоторых эпизодов. Я приходил охотно, поскольку любил практическую театральную работу и привычную суету кулис. В тот день мне предстояло увидеть репетицию более любопытную и нервную, чем какая-либо из тех, что я посещал прежде. В большом пустом зале, почти лишенном света, Фабер усадил меня рядом с собой в одном из рядов партера. Он казался озабоченным.

— Не знаю, в чем дело, — сказал он, — что-то не ладится... Женни, которая обычно с полуслова понимает все, что я хочу сказать, сегодня упрямится... Порой у нее даже интонации неестественные, и это ей совершенно не свойственно... Я недоумеваю, дорогой мой... Впрочем, вы сами увидите.

На почти голой сцене появился актер и сел за письменный стол в стиле ампир. Он играл Фабера. Произошла короткая сцена с секретаршей, и та возвестила о появлении персонажа, изображавшего меня. Слушая его, я испытал очень странное чувство. Фабер использовал мои привычные словечки и характерные для меня жесты. Диалог показался мне естественным и живым. Затем на сцену вышла Женни. Я слушал с напряженным интересом: во-первых, потому что был одним из действующих лиц изначальной драмы, но главное, потому что гадал, как Фабер изобразит этот разговор. Я-то знал, как все обстояло на самом деле, а он полагал, что отчаявшаяся Одетта (вернее, Жюльетта) идет на болезненную жертву ради любви к мужу.

Именно эту сцену Женни и разыгрывала перед нами.

— Вы не можете понять, — говорила Жюльетта, — его счастье — это мое счастье. Его наслаждение — мое наслаждение...

Как и предупредил меня Фабер, Женни произносила эти фразы невыразительно. Пару раз он прерывал ее, требуя, чтобы она вкладывала в свои слова больше страсти. Она попыталась, однако ничего не смогла сделать, занервничала и при очередном замечании рассердилась. Выйдя на авансцену, она сдвинула абажур слепившей ее лампы и стала глазами искать в зале Фабера:

— Вы здесь, Робер? Да-да, я вас вижу... Кто это с вами?

— Бертран.

— Ну что ж, поднимайтесь сюда оба. Мне нужно с вами поговорить.

— После репетиции, — сказал Фабер. — Давайте продолжать.

— Нет, репетиции не будет! Нам с автором нужно прояснить один пункт, и я не стану играть, пока это не будет сделано.

— Она сошла с ума, — убежденно сказал мне Фабер.

— Почему сошла с ума? Женни — самая разумная и проникательная актриса в Париже. Конечно же, вы просто обязаны выслушать ее доводы.

— Что она может мне сказать? Она должна играть роль так, как написано... Вот и все. Я же не дебютант, чтобы просить совета у исполнителей.

Женни на сцене все больше приходила в нетерпение:

— Вы идете или нет? Ведь я...

Я взял инициативу на себя и ответил:

— Мы идем.

Я подтолкнул бурчащего и недовольного Фабера к маленькой временной лестнице, соединявшей зал и сцену во время репетиций. На авансцене, держа в руках листы с ролью, нас поджидала Женни.

— Что такое? — спросил Фабер. — Что на вас нашло?

— Нашло то, что я *не могу* произносить этот текст... Ваша добрая женушка совершенно неправдоподобна, по крайней мере для меня... Я ее не понимаю, не чувствую и не могу играть... Как? Перед нами женщина, которой сообщают, и при этом крайне пеловко, что ее муж собирается в путешествие с другой, обожающей его, а у нее лишь один ответ: «Очень хорошо... Лишь бы он был доволен, тогда и я буду довольна». Такого не может быть... Ну же, Робер, вы повидали бог знает сколько женщин, их было великое множество... Вы встречали хоть одну, которая, будь она действительно влюблена, стала бы блеять нечто подобное, как глупая овца?

— Одну такую встречал, — гордо ответил он, — и именно ее я изобразил в «Жертве»... Фактически эта сцена, которую вы именуете неправдоподобной, произошла в жизни. На сей раз я ни на гран не отступил от реальности, и, к счастью, у меня есть вернейший свидетель: это присутствующий здесь Бертран. Он был участником реальной сцены разговора с женщиной, которую вы играете...

Женни повернулась ко мне:

— Значит, за все эти глупости отвечаете вы? Вы слышали подобные ответы? Это невозможно... Либо эта женщина идиотка (но тогда эта роль не для меня), либо она ломала комедию и демонстрировала величие души, чтобы со своей стороны насладиться внезапно обретенной свободой... В таком случае она вновь обретет человеческий облик, но это будет другая пьеса.

Я оказался в затруднительном положении. Женни была сто раз права: своей артистической интуицией она угадала поведение настоящей Жюльетты. Но я не мог ничего сказать, не предав одновременно и Робера, и Одетту, поэтому предпочел смолчать.

— Отвечайте же! — сказала Женни. — Вы знали эту Жюльетту, да или нет? И если знали, как вы ее объясните?

— Да, — решил поддержать меня Фабер, — рассказывайте, Бертран.

Не помню, что я тогда наговорил. Помню только начатые и оборванные фразы, свои тщетные усилия показать сложность персонажа, чтобы оправдать его в глазах Женни и не скомпрометировать в глазах Фабера. Видимо, я не слишком преуспел, потому что Женни с торжеством вскричала:

— Ну вот, видите! Бертран не больше меня верит в чистоту и покорность этой Жюльетты...

— Я ничего такого не сказал.

— Вы не посмели сказать, но ясно дали понять...

Фабер уже отошел от нас. Я посмотрел на него, и меня ужаснул его вид. Он расхаживал по сцене от одной кулисы к другой и яростно тряс головой, порой запуская руки в свою львиную гриву, порой начиная в бешенстве грызть ногти. Вдруг он двинулся на меня, протянув вперед руки и выставив обвиняюще указательный палец. В глазах его полыхала угроза.

— Я все понял! — сказал он. — Женни говорит правду. *Вы* солгали мне. Я вел себя как ребенок. Обратился к любовнику Одетты с просьбой, которую мог исполнить только друг. Ведь я считал вас другом...

Он разразился своим знаменитым смехом, походившим на ржание, подлинно театральным смехом, достойным Фредерика Леметра или Гаррика.

Я тоже разозлился:

— Я был вашим другом и сейчас ваш друг, но я еще и друг Одетты... Друг, а не любовник... И вы это прекрасно знаете... Разве я виноват, что вы поставили меня в крайне неловкое положение?

— Значит, вы признаетесь, что Одетта доверила вам то, что вы утаили от меня?

— Ни в чем я не признаюсь, я просто говорю, что очутился в трудном положении между вами обоими.

Но он меня уже не слушал. Прошел вглубь сцены, бормоча какие-то слова, которые я не разобрал, затем вернулся к Женни и ко мне. Лицо его прояснилось, он чуть ли не улыбался. Положив свои огромные руки на плечи Женни, он оглядел ее с нежным восторгом.

— Ты — великая актриса, — сказал он. — Величайшая... Ты поняла благодаря одному лишь сценическому инстинкту, что я заставляю тебя произносить фальшивый, неправдоподобный текст... А я, тоже великий актер, пошел по пути, который ты мне указала, пошел против своего чувства, против своей гордости... В блеске молнии я увидел истину... И я опишу ее. Это будет *великолепно*... Эту пьесу нужно переделать, и обещаю тебе, что ты получишь роль твоего масштаба, роль, которую ты полюбишь.

— Я в этом не сомневаюсь, — с видимым волнением ответила Женни.

— Что до вас, — сказал он мне, — что до вас... А вы мне будете помогать.

В этот момент с робостью вошел консьерж театра и сказал Фаберу:

— Мадам прислала меня сказать, что она ждет визиту в машине...

Вновь раздался знаменитый смех:

— Мадам внизу? Попросите ее подняться сюда.

Через мгновение появилась сияющая Одетта.

— Вот как! — воскликнула она. — Меня сегодня допустили... И Бертрана тоже? Все идет хорошо? Привет, Женни.

Фабер смотрел на нее, качая головой.

— Ах ты, плюшка, — сказал он, — но я все же очень тебя люблю... И ты меня очень любишь... Да, хочется тебе или нет, ты любишь только меня... Я собираюсь написать, моя маленькая Одетта, лучшую пьесу в моей жизни.

— Я не понимаю, — сказала она, — но верю тебе.

Фабер работал не часто: он писал по одной пьесе в год и тратил на нее от трех до четырех недель. Но работе он отдавался целиком. Сначала он рассказывал сюжет всем встречным и поперечным, чтобы оценить его выигрышные стороны. Излагал он очень хорошо, копируя голоса, подкрепляя мимикой сочные выражения и находя вдохновение по ходу повествования. Потом, поверив в собственный сценарий, он диктовал сцены секретарше, приучившейся ловить фразы на лету, пока он расхаживал по кабинету, исполняя поочередно партии всех исполнителей. Наконец он перечитывал набросок и в этот момент часто призывал меня для консультаций. Новая версия «Жертвы» показалась мне превосходной. С поразительной смелостью он дошел до крайней точки в ситуации, тягостной для него самого. Из этого получилась сильная истинная драма с многочисленными комическими эпизодами и яростными сценами, создававшими счастливый контраст.

Я не был при том, как он читал пьесу Женни, но спустя несколько дней встретил ее.

— Вы знаете второй вариант «Жертвы»? — спросила она. — Это по-настоящему хорошо, правда? Последние два-три года сюжеты Фабера мне перестали нравиться... Его персонажи казались мне

Содержание

Ты — великая актриса. <i>Перевод Е. Мурашкинцевой</i> . . .	5
Добрый вечер, милочка... <i>Перевод С. Тархановой</i>	20
Исчадие ада. <i>Перевод К. Северовой</i>	34
Ариадна, сестра... <i>Перевод Ю. Яхниной</i>	57
Пересадка. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	78
Миррина. <i>Перевод Ю. Яхниной</i>	97
Биография. <i>Перевод Ю. Яхниной</i>	110
Подруги. <i>Перевод К. Северовой</i>	131
Ужин под каштанами. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	142
Тела и души. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	168
Проклятие золотого тельца. <i>Перевод Ю. Яхниной</i>	188
Для фортепиано соло. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	199
Уход. <i>Перевод Е. Мурашкинцевой</i>	219
По вине Оноре де Бальзака <i>Перевод Е. Мурашкинцевой</i>	236
Пробуждение женщины <i>Перевод Е. Мурашкинцевой</i>	274
Любовь в изгнании. <i>Перевод В. Мильчиной</i>	296
Фиалки по средам. <i>Перевод С. Тархановой</i>	311
История одной карьеры. <i>Перевод С. Тархановой</i>	325
Спустя десять лет. <i>Перевод К. Северовой</i>	359
Прилив. <i>Перевод Ю. Яхниной</i>	366
Преображение. <i>Перевод Е. Мурашкинцевой</i>	385
Сезонные цветы. <i>Перевод К. Северовой</i>	398
Зеленый пояс. <i>Перевод Ю. Рац</i>	416

СОДЕРЖАНИЕ

Девушка в снегу. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	420
Ярмарка в Нёйи. <i>Перевод Ю. Яхниной</i>	431
Завещание. <i>Перевод Ю. Яхниной</i>	437
В новую школу. <i>Перевод Ю. Рац</i>	444
Кампания. <i>Перевод Е. Мурашкинцевой</i>	449
Рождение знаменитости. <i>Перевод С. Тархановой</i>	457
Жизнь людей. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	463
Честь. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	494
Коринфский портик. <i>Перевод К. Северовой</i>	498
Черная маска. <i>Перевод К. Северовой</i>	502
Собор. <i>Перевод С. Тархановой</i>	506
Ирен. <i>Перевод К. Северовой</i>	508
Муравьи. <i>Перевод С. Тархановой</i>	512
Письма. <i>Перевод К. Северовой</i>	514
Рикошет. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	516
Кукушка. <i>Перевод Ю. Рац</i>	519
Открытка. <i>Перевод Е. Богатыренко</i>	526
Пелерина. <i>Перевод Ю. Рац</i>	529
Бедная матушка. <i>Перевод Ю. Рац</i>	533
Дом с привидением. <i>Перевод Б. Акимова</i>	537